

Вадим Дамье

**Развитие анархо-коммунизма
Кропоткина в либертарной
мысли 1920-х — 1930-х гг.**

Период 1920-х — 1930-х гг. стал временем резких и мучительных сдвигов в мировой истории. Начался переход к новому, фордистско-тейлористскому этапу индустриально-капиталистического общества. Стали все больше выступать характерные особенности этой ступени: внедрение новых машин и технологий, детальное разделение труда, массовое производство, централизация экономики в руках национальных и транснациональных концернов, усиление роли государства во всех областях экономической, социальной и политической жизни¹. Данные процессы, получившие в те годы название «капиталистической рационализации», находились в столь резком противоречии с обоснованной Кропоткиным концепцией анархо-коммунистического общества, что многие видные либертарианцы принялись выражать сомнения в ее осуществимости, по крайней мере, в непосредственном будущем. Появились утверждения, что идеи вольной коммуны и преодоления узкого разделения труда, которая лежала в основе анархо-коммунистических представлений о новом обществе, не соответствуют «подлинному духу и тенденциям» индустриального общества с его стремлением к универсальности и растущей специализации². Одновременно ожили ранее отвергнутые большинством анархистов теории о коллективистском (основанном на распределении «по труду») «переходном периоде» на пути к анархистскому коммунизму³.

Однако далеко не все анархисты были согласны с этим своеобразным «либертарным ревизионизмом». В тот же самый период было предложено несколько вариантов дальнейшего развития идей Кропоткина, которые не порывали с их основными положениями, не взывали к большей умеренности, но стремились продолжать прежнюю логику с учетом новой ситуации. В докладе я остановлюсь лишь на трех, как мне представляется, наиболее проработанных и интересных из них. На тех, которые были выдвинуты анархистами Аргентины, Японии и Испании.

* * *

В Аргентину анархо-коммунистические взгляды проникли еще в конце 19 в. Анархистские эмигранты из Европы (такие, как знаменитый либертарный коммунист Эррико Малатеста) стали создателями первых современных профсоюзов в стране. Не удивительно, что основанная в 1901 г. Аргентинская региональная рабочая федерация (ФОРА) уже в 1905 г. первым из профобъединений мира официально провозгласила в качестве своей цели анархистский коммунизм, рекомендовав распространять его «экономические и философские принципы»⁴. Почти до Первой мировой войны ФОРА занимала преоблада-

¹ См., например: Rudolf Rocker. Die Rationalisierung der Wirtschaft und die Arbeiterklasse. Berlin, 1927.

² Макс Неттлау. Очерки по истории анархических идей. Tucson, 1991. С.123-124.

³ См., например: Rudolf Rocker. Aufsatzsammlung. Bd.1. 1919-1933. Frankfurt a.M., 1980. S.93-97.

ющие позиции в аргентинском рабочем движении, но и позднее, вплоть до реакционного военного переворота 1930 г., оказывала влияние на более чем 100 тысяч трудящихся страны.

В отличие от Кропоткина, теоретики ФОРА избегали описывать детали облика будущего свободного общества. Тем не менее, они открыто провозглашали, что оно должно быть анархо-коммунистическим, без какого-либо «переходного периода» и что основу его будет составлять коммуна (а не, скажем, профсоюз, как полагали синдикалисты). Однако главными заслугами ФОРА следует считать развитие кропоткинской философии истории и критики индустриализма, а также разработку оригинальной концепции анархистской организации.

Как известно, Кропоткин решительно критиковал марксистский экономический детерминизм, то есть представления об историческом развитии как целенаправленном, необходимом и прогрессивном процессе совершенствования и централизации производственных факторов и соответствующей смены общественно-экономических формаций (работы «Хлеб и воля», «Современная наука и анархия»). В ряде его произведений и писем (особенно, во «Взаимной помощи. . .») можно обнаружить возражения против идеи прогрессивности капитализма по сравнению с докапиталистическими обществами (к примеру, вольными городами Средневековья). Наконец, в «Этике» Кропоткин высказывается в поддержку теорий французского философа Фулье об этических «идеях-силах», лежащих в основе эволюции человечества.

Все эти моменты, намеченные у русского анархиста, были связно и подробно сформулированы теоретиками ФОРА.

Прежде всего, они вступили в открытую полемику с теорией линейного прогресса и марксистского исторического материализма, утверждая, что развитием человечества движут не столько экономические закономерности, сколько эволюция этических представлений и «идей-сил». Вслед за Кропоткиным, аргентинские анархисты оспаривали тезис марксистов о классовой борьбе как главном факторе истории: они признавали роль сопротивления угнетенных классов, но видели в нем проявление универсального закона взаимопомощи и солидарности.

В силу этого ФОРА резко осуждала экономический и исторический детерминизм и отрицала прогрессивность капитализма и его экономической организации. Теоретики ФОРА воспринимали хозяйственную структуру индустриально-капиталистического общества (фабричную систему, отраслевую специализацию, жесткое разделение труда и т. д.) как «экономическое государство» — наряду с «политическим государством» — властью. Новое, свободное общество должно не вырастать из закономерностей старого, а быть решительным, радикальным разрывом с ним, с самой его логикой. В его основе должна лежать

⁴ См. сб. документов по истории ФОРА: Edgardo J. Bisky (ed.). La FORA en el movimiento obrero. 2. Buenos Aires, 1987. P.215.

вольная коммуна и свободная ассоциация, его лозунг не «Вся власть синдикатам!», а «Никакой власти никому!». Система анархического коммунизма ни в коем случае не должна строиться «в недрах» старого, иначе его ждет судьба русской революции, — предупреждал ведущий идеолог ФОРА Эмилио Лопес Аранго⁵. Пролетариат «должен стать стеной, которая остановит экспансию индустриального империализма, — писал он. — Только так, создавая этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем независимо от буржуазной цивилизации, можно придти к созданию неразрушимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции: революции, которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых, промышленных и торговых трестов»⁶.

Характерны высказывания делегатов ФОРА на конгрессе анархо-синдикалистского Интернационала в 1931 г., в ходе дискуссии о капиталистической рационализации: «Не только политический фашизм, но и капиталистический индустриализм является опаснейшей формой тирании. Товарищи полагают, что экономический вопрос один имеет решающее значение. Однако капиталистический аппарат, если он останется, как есть, и в наших руках никогда не станет инструментом освобождения человека, подавленного гигантским механизмом. Экономический кризис вызван огромным развитием машин и рационализации. . . это универсальный кризис, который может быть решен только социальной революцией». «Индустриализация не является необходимой, — утверждали аргентинские анархисты. — Люди тысячелетия жили без нее, жизненное счастье и благосостояние не зависят от индустриализации». Они призывали вернуться «к простоте природы, к сельскому хозяйству, к коммуне. Только следуя этим принципам, можно преодолеть рыночное производство и перейти к системе свободного распределения»⁷.

ФОРА внесла вклад в развитие анархо-коммунистической доктрины, создав принципиально новую модель анархистского движения. Если Кропоткин выступал за работу анархистов в революционных профсоюзах при одновременном создании внутри них анархистского центра (по типу бакунистского Альянса в Первом Интернационале)⁸, то аргентинские либертарианцы отвергли разделение на массовую синдикалистскую и идейную анархистскую организацию и выступили за их соединение воедино. ФОРА выдвинула идею «анархистской организации трудящихся», построенной на профессиональной основе,

⁵ Emilio Lopez Arango. Doctrina y tactica // Certamen internacional de «La Protesta». Buenos Aires, 1927.

⁶ Emilio Lopez Arango, Diego Abad de Santillan. El anarquismo en el movimiento obrero. Barcelona, 1925.

⁷ IV. Kongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation. Madrid, vom 16. bis 21. Juni 1931. Berlin, 1931. S.14-15, 17, 18.

⁸ См. подробнее: Max Nettlau. Eine Arbeiterinternationale in Kropotkins Auffassung // «Die Internationale». 1932. Mai. Nr.5. S.115-120.

но выросшую не из строго экономических задач, а из идеи солидарности, взаимопомощи и анархистского коммунизма. Она должна была одновременно вести борьбу за непосредственное улучшение положения трудящихся, способствуя тем самым укоренению среди них навыков свободы и солидарности, и пропагандировать анархистский коммунизм.

* * *

В японском анархистском движении идеи Кропоткина пользовались огромной популярностью. Здесь, как и в ряде других стран Востока, они соответствовали глубинным общинным традициям трудящихся⁹. В 1928 г. в Японии было даже начато издание полного собрания сочинений Кропоткина¹⁰.

Многие идеи ведущих теоретиков анархо-коммунизма в Японии (Сюдзё Хатта и Сакутаро Иваса) напоминают взгляды аргентинских рабочих анархистов. Однако, опираясь на труды Кропоткина, либертарики Страны Восходящего Солнца пошли дальше, доведя такие положения, как критика марксистской философии истории, индустриализма и идейно-нейтрального синдикализма, до их логического завершения.

Японские анархо-коммунисты подробно обосновали концепцию анархистской революции как кардинального разрыва с логикой капитализма и индустриализма. Нынешнее общество, говорили они, основано на разделении труда и вытекающей отсюда иерархии; это разделение и его венец, механизация, лишают трудящегося всякой ответственности и требует координирующей и руководящей власти, что несовместимо с принципами либертарного коммунизма, определенными Кропоткиным. Поэтому структура будущего свободного общества не может соответствовать структуре существующего, авторитарного и капиталистического. Оно должно будет преодолеть индустриализм, пагубное современное разделение труда и опираться на иную концепцию, соединяющую потребление и производство, причем с упором на потребление. Ее базовой единицей должна стать самообеспечивающаяся автономная коммуна, соединяющая промышленность и сельское хозяйство. В этом отношении Хатта и его товарищи высказывались гораздо более детально и определенно, чем аргентинская ФОРА.

Японские анархисты признавали классовую борьбу историческим фактом, но отказывались видеть в ней базу для либертарной революции, которая, как они считали, вырастает не из экономических противоречий капитализма и не из материальных интересов классов, а из стремления к освобождению человека и ликвидации классов вообще. «Если мы поймем. . . что классовая

⁹ См.: Philippe Pelletier. Un oubli du consensus: l'anarchosindicalisme au Japon de 1911 a 1934. // Pour un autre futur. «Actes» du colloque international. De l'histoire du mouvement ouvrier revolutionnaire. Paris, 2001..

¹⁰ www.ne.jp.

борьба и революция — это разные вещи, то вынуждены будем сказать, что было бы большой ошибкой заявлять . . . , будто революция произойдет с помощью классовой борьбы, — подчеркивал Хатта. — Даже если путем классовой борьбы произойдет изменение общества, это не будет означать, что произошла настоящая революция»¹¹.

Известно, что Кропоткин, позитивно относясь к революционному синдикализму, как к методу действий, критиковал стремление превратить его в особую идеологию и вытекающие из этого представления о новом обществе, в основе которого был бы положен исключительно производственный принцип¹². ФОРА и японские анархо-коммунисты также отвергали синдикализм как идеологию и социальную модель. Они видели в такой модели воспроизведение индустриально-капиталистической системы. Продолжение разделения общества на группы в соответствии с видом выполняемого труда, сохранение фабричной системы и централизации, организация социума на основе и вокруг профессиональных и отраслевых союзов увековечили бы разделение труда и иерархию управления. «Синдикализм, — писал Хатта, — заимствует капиталистический способ производства, а также сохраняет систему крупных фабрик, прежде всего — разделение труда и способ хозяйственной организации, который избрал своей основой производство»¹³. Структура синдикатов вырастает из капиталистического способа производства и создает организацию, служащую зеркальным отражением индустриально-капиталистических структур. Хатта предсказывал, что если устранить капиталистических хозяев и передать шахты — шахтерам, домны — сталелитейщикам и т.д., то противоречия между отраслями производства и неравенство между отдельными группами рабочих сохранятся. А значит, потребуется некая форма арбитража или органа по разрешению конфликтов между этими секторами и группами. Это создаст реальную опасность возникновения классов и приведет к появлению нового государства и правительства в лице профсоюзной бюрократии, которая, писал Сакутаро Иваса, стремится встать на место капиталистов, как другие члены банды стремятся скинуть главаря, чтобы самим возглавить грабеж.

Одновременно с критикой синдикализма, японские анархо-коммунисты критиковали и планы организации нового общества в виде системы рабочих советов. Хатта видел в Советах, возникших на производстве, то же проявление капиталистического разделения труда, что, по его мнению, воспроизводило основы власти и дискриминировало тех, кто не принимает непосредственного участия в процессе производства материальных благ или работает во

¹¹ John Crump. The anarchist movement in Japan. London, 1996.

¹² См., например: P.Kropotkin. Preface // E.Pataud, E.Pouget. How we shall bring about the revolution. London etc., 1990.

¹³ Цит. по: Hatta Shuzo: Krytyka syndykalizmu i systemy rad // «Fraternite» (Warszawa). Nr.3. S.26.

«второстепенных» отраслях экономики. «Как бы ни были экономически ориентированы советы, — подчеркивал Хатта, — остается очевидным, что их создание всегда будет связано с одновременным появлением власти».

Идеи анархо-коммунистов были широко популярны не только среди крестьян, но и среди квалифицированных городских рабочих Японии. Один токийский рабочий-печатник написал в 1926 г. статью «Покинем города». Он призывал рабочих не отбивать у капиталистов современные города со всей их экономикой и инфраструктурой, а восстать против хозяев и перенести свои промышленные навыки в деревню, чтобы обогатить деревенскую жизнь и достичь единства с крестьянами¹⁴. Однако в ожидании такой революции анархо-коммунисты не собирались мириться с существующим строем. Они образовали собственное профсоюзное объединение трудящихся «Дзэнкоку дзирэн», которое, подобно ФОРА, вело активную экономическую борьбу на основе прямого действия, крестьянскую ассоциацию и т.д.

* * *

Что касается Испании, превратившейся в 1930-е гг. в бастион мирового либертарного движения, то в этой стране идеи Кропоткина стали широко распространяться с начала XX века, особенно после того, как анархо-коммунизм вытеснил здесь коллективистский вариант анархизма. Часто они приникали в сознание людей вместе с грамотностью, которой обучали учителя-анархисты. Немецкий синдикалист Аугустин Сухи в воспоминаниях об Испанской революции рассказал характерную для тех лет историю анархиста из арагонского села Муньеса, который долго работал в Барселоне, а затем вернулся в родное село и познакомил крестьян с либертарными идеями. Под его влиянием односельчане организовали коллектив — вольную коммуны. «На столе лежало испанское издание книги Кропоткина «Хлеб и воля». По вечерам члены коллектива собирались, и один из них читал книгу вслух. Это было новое Евангелие»¹⁵.

Анархо-коммунистические концепции Кропоткина оказали наибольшее воздействие на представителей «коммунитарного» крыла испанского либертарного движения, в то время как сторонники более «чистой» синдикалистской линии в большей мере ориентировались на традиции и представления французского революционного синдикализма. Характерной чертой испанских «кропоткинианцев» (назову, в первую очередь, работы Федерико Уралеса и Исаака Пуэнте) можно считать стремление соединить идеи Кропоткина с синдикализмом. В отличие от ФОРА или японских либертариюв, анархисты Иберийского полуострова не отвергали полностью роль синдикатов в будущем

¹⁴ J.Crump. Op. cit.

¹⁵ Augustin Souchy. Nacht über Spanien. Bürgerkrieg und Revolution in Spanien. Grafenau — Doffingen, 1987. S.145

обществе, но, подобно русскому анархисту, выступали за их превращение в ассоциации свободных производителей, существующие рядом с основной единицей вольного коммунистического строя — свободной коммуной (идея «двойной федерации»). Теоретикам испанской анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда удалось впервые в истории сформулировать конкретную программу анархо-коммунистического преобразования общества: на конгрессе НКТ в мае 1936 г. в Сарагосе была принята знаменитая «Концепция либертарного коммунизма», в основу которой были положены взгляды Кропоткина. Эта модель социального организма — свободной федерации коммун без государства, классов, денег и рынка — начала затем осуществляться в конце 1936 — начале 1937 гг. в регионе Арагон, освобожденном анархистскими милициями. К сожалению, эксперимент был прерван, поскольку Испанская революция, как известно, потерпела поражение¹⁶.

* * *

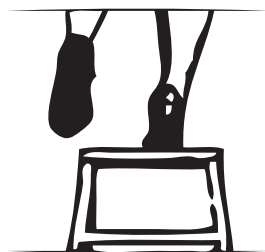
В заключении отмечу, что сама география идейного развития (Аргентина, Япония, Испания) в данном случае, конечно же, не случайна. Речь идет, прежде всего, о странах, где в тот момент происходил ускоренный переход от доиндустриального общества к индустриальному и причудливо смешивались элементы доиндустриальные, раннеиндустриальные и индустриальные. Трудящиеся классы сохраняли значительные традиции автономии и коммунизма и не подвергались еще столь отупляющему воздействию «фабричного деспотизма». Либертарное рабочее движение там было на подъеме. В то же время, в этих обществах, находившихся на переломе и на перепутье, вопрос о дальнейшем направлении социального развития оставался в значительной мере открытым.

¹⁶ Подробнее см.: В.Дамье. Испанская революция и коммуны Арагона // «Наперекор». 1999. №9.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Вадим Дамье

Развитие анархо-коммунизма Кропоткина в либертарной мысли 1920-х — 1930-х гг.